лать ее разумною; притом же она еще не окончена. Если Вы ее одобрите, то я тем останусь довольна. Вы из нея увидите, как там я на пользу моей империи обобрала президента Монтескье, не называя его. Надеюсь, что если бы он с того света увидел меня работающей, то простил бы эту литературную кражу во благо 20 млн. людей, которое из того последует. <...> ...его книга служит для меня молитвенником».[3]

В процессе подготовки «Наказ» неоднократно редактировался и дополнялся. К работе над отдельными главами Екатерина привлекала своих помощников, в частности Г. В. Козицкого, представившего первоначальный вариант XI главы. И прежде чем опубликовать окончательный текст документа, императрица сочла необходимым апробировать его в глазах общественности, позволив ознакомиться с содержанием «Наказа» узкому кругу лиц, которым она могла доверять и мнением которых она могла в той или иной степени дорожить. В числе тех, кто читал «Наказ» до его публикации, были канцлер граф М. Л. Воронцов, генерал-поручик А. И. Бибиков, один из секретарей канцелярии императрицы Вас. Баскаков, наконец, А. П. Сумароков, известный писатель и драматург. Кроме того, коллективное мнение о «Наказе» представили церковные иерархи — преосвященные епископ Псковский Иннокентий, епископ Тверской Гавриил и иеромонах Платон, бывший в то время законоучителем цесаревича Павла Петровича и позднее ставший митрополитом Московским. Не исключено, что с «Наказом» прежде его завершения были знакомы и другие лица, тот же Г. Г. Орлов, бывший посредником между императрицей и отдельными лицами из читавших документ до его публикации, или князь А. А. Вяземский, участвовавший в разработке планов Комиссии еще в 1764 г., хотя мнения их о «Наказе» остались неизвестны.

Сравнительный обзор сохранившихся отзывов о «Наказе» дает любопытную картину проявления в каждом случае личности корреспондента — степени его духовной независимости, уровня образованности и просто человеческих качеств. Например, отзыв графа М. Л. Воронцова, помеченный 23 сентября 1765 г., сразу обнаруживает в авторе царедворца.

Ни одного критического замечания или какого-либо позитивного пожелания по существу в отзыве нет. Зато Воронцов прекрасно улавливает подоплеку решения Екатерины II о созыве Комиссии и, как бы идя навстречу ожиданиям императрицы, сам формулирует в отзыве главную цель «Наказа»: «...установление прочных законов на будущие времена к благополучию общенародному, <...> поста-

---

[3] Сборник русского исторического общества. СПб., 1872. Т. 10. С. 31. О восприятии «Наказа» во Франции см.: *Плавинская Н. Ю.* «Наказа» Екатерины II во Франции в конце 60—начале 70-х гг. XVIII в.: переводы, цензура, отклики в прессе // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М., 2001. С. 9—36.